

РОДИТЕЛЬНЫЙ ОТРИЦАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ДЕЙКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

© 2006 г. Е. В. Падучева

В современном русском языке, несмотря на экспансию прямых падежей, генитив отрицания по-прежнему семантически противопоставлен номинативу в субъектной позиции и аккузативу – в объектной. Утверждается, что генитив отрицания выражает, в обеих позициях, значение наблюдаемого отсутствия.

In modern Russian genitive is semantically opposed to nominative in the subject position and to the accusative in the position of the object. It is claimed that genitive of negation, in both positions, can be rightfully called the genitive of observed absence.

1. Родительный отрицания у Пушкина (два века ссорить не хочу)

Одна из самых широко обсуждаемых “грамматических норм” русского языка касается род. падежа при отрицании. Еще во времена Пушкина употребление генитива (объекта) при отрицании считалось обязательной нормой – и Пушкин ее признавал; в полемических заметках “Опровержение на критики” он отстаивал право на вин. падеж только в контексте не непосредственно подчиняющего отрицательного глагола (как в сочетании *два века в два века ссорить не хочу*):

“Я не могу вам позволить начать писать ... *стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю”.

Видимо, отзвуком этой перепалки с редактором стали строки в “Египетских ночах”, где говорится:

“<...> признаться: кроме права ставить винительный падеж вместо родительного и еще кой-каких так называемых поэтических вольностей, мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не ведаем <...>”.

Пушкин признавал необходимость генитива теоретически:

“Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу *стихов*”.

А практически он эти нормы начал расшатывать (в *два века* дело, конечно, не в длине цепочки

зависимостей; так генитив уместен в (1.2), но не в (1.1):

(1.1) *не могу писать стихов;

(1.2) не могу связать двух слов).

И процесс пошел – в сторону, намеченную Пушкиным (и его “стихотворческими вольностями”).

2. Генитив отбивает атаку прямых падежей

Действительно, на протяжении последних двух столетий видно, как прямые падежи, именительный и винительный, наступают на генитив (см. об этом в [1]). В контексте примера (2.1) норма старшего поколения требует генитива, см. (2.1а); а аккузатив в (2.1б) свидетельствует о наступлении новой нормы:

(2.1) а. Она не несет за это *ответственности*;

б. Если что-то будет найдено при повторном обыске, она *ответственность* не несет. (Известия, 2005)

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) показывает для современного русского языка примерно одинаковую цифру – больше ста употреблений – и для *не несет ответственности* и для *не несет ответственность*.

Так же обстоит дело с другими устойчивыми сочетаниями с абстрактным именем; стали возможны¹:

(2.2) не обращает *внимание*, не создали условия (в значении мн. числа), не возбуждает *жадность*, не привлекает *внимание*, не придает *значение*.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-04-04130а «Семантические классы глаголов и отглагольных существительных в экспертной системе “Лексикограф” и в Национальном корпусе русского языка»

¹ Что касается генитива субъекта, то он тоже убывает. Так, А.М. Пешковский [3, с. 334] считает допустимым предложение *Второй роты не приходило*, в котором сейчас даже старшее поколение расценит родительный падеж как неуместный.

Ясно, что здесь нет смысла устанавливать норму: и то и другое допустимо. Задача лингвистики – в том, чтобы понять, как обстоит дело.

До последнего времени основная часть исследований этой проблемы была направлена на описание условий употребления генитива и аккумулятива: как можно сказать и как нельзя. В [2] перечислено больше трехсот генитивных и аккумулятивных “факторов” (релевантных контекстов) со статистикой по каждому. Это великолепный материал, который может служить отправной точкой для дальнейших исследований – в несколько ином направлении. Задачу можно поставить по-другому. А именно, начать с семантики – с семантических противопоставлений, выражаемых генитивом, и попытаться понять, какие смысловые оппозиции сохранились, а какие утратились: перестали/перестают осознаваться носителями языка.

Иными словами, задача в том, чтобы отличить семантически мотивированный выбор от вариативности, которая характерна для ситуации смены нормы. В принципе, чистая синонимия языку не свойственна. Но в ситуации, когда норма меняется, возможны варианты выражения смысла, разница между которыми стилистическая, возрастная, но не смысловая. Т.е. следует выяснить, сохранились или утратились семантические различия, лежащие в основе прежней нормы. Если их нет, то либо один из вариантов победит, либо возникнет новая норма.

Мы считаем возможным говорить о генитиве отрицания как едином понятии, хотя в традиционных грамматиках они описываются в разных разделах: генитив субъекта попадает в раздел о безличном предложении. А.М. Пешковский [3, с. 334] пишет, однако, о предложениях *Не слышалось никакого звука* (Тург.), *Ни облачка на небе не бродило* (Жуковск.), *Ожидаемой помощи не приходило* (Пушк.) и др.: “Предложения эти безличны только при отрицании. По устранении отрицания они переходят в личные <...>, причем на месте родительного оказывается подлежащее. Таким образом, отсутствие подлежащего здесь связано именно с родительным, а сам родительный – с отрицанием, как в оборотах *не вижу сестры*, *не читаю книги*, и т.д.” Из этого отрывка видно, что А.М. Пешковский считает безличность глагола в контексте генитивного субъекта обусловленной генитивом, т.е. как бы вторичной, что позволяет нам рассматривать конструкции с генитивным субъектом и с генитивным объектом как параллельные и связанные одна с другой.

Тем не менее, генитив субъекта и генитив объекта – это две разных сферы употребления генитива. Что касается генитива субъекта, то тут поиски семантической мотивированности выбора падежа, можно считать, увенчались успехом; об-

зор литературы – в [4, 5]. Возражения по поводу семантических обоснований генитива (см. [6, 7]) до сих пор удавалось снимать – что, как кажется, способствовало сближению разных концепций.

3. Наблюдатель в генитивной конструкции с глаголом *быть*

В чем же состоит решение? И, еще раньше: в чем сама проблема?

Родительному субъекта в отрицательном предложении посвящена большая литература, и к началу 80-х годов считалось, что генитивом выражается субъект бытийного предложения (см. работы Н.Д. Арутюновой [8, с. 212, 225]; Леонарда Бэбби [9] и др.). Книга Леонарда Бэбби называлась *Existential Sentences and Negation in Russian* ‘Бытийное предложение и отрицание в русском языке’. Бытийные предложения – это предложения, утверждающие существование (в противоположность обычным, у которых существование объекта, обозначенного подлежащим, составляет, при нормальном для них порядке слов, presupпозицию):

(3.0) В этом лесу водятся *волки* – В этом лесу *волков* не водится;

У нас возникли *сомнения* – *Сомнений* у нас не возникло.

Но генитивный субъект возможен и при глаголе совсем не бытийном; прежде всего, при глаголе *быть* в локативном значении, как в (3.1). И это *быть* долгое время представлялось двойным исключением из семантически мотивированных правил выбора падежа:

(3.1) а. *Коли* нет (не было) в Москве\;

б. *Коли* нет\ (не было) в Лондоне.

Во-первых, в значении локативного *быть* нельзя усмотреть смыслового компонента ‘Х существует’ (в отрицаемом статусе, ассертивном или имплицативном), который обязателен для бытийного глагола как глагола утверждения существования; прямо наоборот, локализация объекта связана с презумпцией его существования, которая сохраняется при отрицании:

(3.2) а. Геологическая партия была на базе ⊃ ‘Геологическая партия существует’;

б. Геологической партии не было на базе ⊃ ‘Геологическая партия существует’.

Во-вторых, генитивная конструкция – с глаголами бытийной группы – предполагает нереперентный субъект, см. [8]; а у локативного *быть* субъект может быть конкретно-референтным, как *Коля* в примере (3.1).

В [10] было обращено внимание на то, что генитивный субъект бывает не только в бытийных предложениях, т.е. в предложениях с бытийным глаголом, но и в предложениях с глаголами восприятия, такими, как, например, чувствоваться,

ощущаться, наблюдаться и др. (к ним примыкают краткие прилагательные – *виден, слышен* и др.). Эти глаголы генитивные (термин из [10]), т.е. в принципе могут давать генитивную конструкцию; но в своем исходном значении они относятся не к экзистенциальным, а к перцептивным: в их актантную структуру входит участник, который наследуется от невозвратных *чувствовать, ощущать, наблюдать* с Экспериментом-подлежащим. Таких слов в генитивном классе очень много: *регистроваться, фиксироваться, выискаться, прощупываться, нащупываться*, и подобные. Это генитивные глаголы перцептивной группы.

Генитивные глаголы появления, типа *найтись, появиться*, тоже в своем базовом значении скорее перцептивные, чем экзистенциальные.

Другое дело, что под отрицанием у этих глаголов может возникать вторичное значение отсутствия или несуществования – в силу продуктивного семантического перехода от невосприятия к отсутствию, а возможно даже к несуществованию:

я не вижу здесь X-а $\supset$ X-а здесь
нет $\supset$ X-а нет вообще

А тогда генитив выражает несуществование:

(3.3) а. *Наблюдается* спад интереса к беллетристике;

б. Не *наблюдается* спада интереса к беллетристике $\supset$ ‘его нет’.

Однако значение отсутствия у предикатов восприятия – одно из возможных. Так, фраза *Не слышно шуму городского* сама по себе неоднозначна: то ли шума нет, то ли есть и только его не слышно. Так что относить это предложение к бытийным нет оснований.

Сюда же примыкают слова типа *белеть, торчать, маячить*, тоже способные входить в генитивную конструкцию (*Посмотри, не белет ли парусов на горизонте*): у них есть перцептивный компонент (в неассертивном статусе), но под отрицанием они проходят через ту же семантическую деривацию от невосприятия к отсутствию.

В особом положении находится генитивный глагол *оказаться* – в отрицательном контексте компонент “отсутствие” в его семантике присутствует однозначно:

(3.4) Секретаря на месте *не оказалось* $\supset$ ‘не было’.

У предложений с семантикой восприятия референтный субъект не вызывает удивления:

(3.5) Парусов почему-то *не белет*; Маши *не видно*.

А тогда естественно объяснить генитив при отрицании локативного *быть* тем, что оно обозначает не просто отсутствие, а НАБЛЮДАЕ-

МОЕ ОТСУТСТВИЕ; генитив означает, что в ситуации отсутствия присутствует Наблюдатель. В самом деле, предложение (3.16) понимается почти как ‘Коли не видно (не было видно) в Лондоне’: либо говорящий сам находится или был в Лондоне, либо знает от того, кто там находится или был. Недаром (3.16) кажется носителю русского языка (которому нормально не находится в Лондоне) менее естественным, чем (3.1а), которое предполагает наблюдателя в Москве; отметим также неслучайное (см. [11, с. 431] различие в просодии между (3.1а) и (3.16).

Иначе говоря, Генитив приравнивает наблюдаемое отсутствие к несуществованию; можно постулировать следующие семантические переходы:

(I) вижу $\supset$ есть <здесь> [законное заключение];

(II) не вижу $\supset$ нет <здесь> $\supset$ нет вообще [семантическая деривация].

Т.е. *нет Коли* оформляется, с одной стороны, так же, как не видно *Коли*, а с другой – так же, как *нет саблезубых тигров*.

Регулярная многозначность, представляемая здесь как семантический переход (II), свойственна не только семантике генитива. Она же характеризует и лексическую семантику многих слов русского языка; например:

(3.6) *исчезнуть* = 1) перестать быть видимым;
2) перестать быть в Месте;
3) перестать существовать;

(3.7) *появиться* = 1) начать быть видимым;
2) начать быть в Месте;
3) начать существовать.

То же верно для глаголов *возникнуть, встретиться, найтись* и многих других. Этот семантический переход был выявлен в ходе работы над системой “Лексикограф”; см. [12, с. 445 и [13]].

Итак, в конструкции с генитивным субъектом локативного *быть* обнаруживается Наблюдатель (такой же, как в семантике глагола *показаться* в работе Ю.Д. Апресяна [14]): Субъект восприятия, занимающий определенное место в пространстве ситуации. В самом деле, если мы усмотрели в семантике перцептивный компонент, то должен быть и субъект восприятия.

Наблюдателем может *быть* не Субъект восприятия, а Субъект сознания, который мыслит себя в определенном месте (*Как жаль, что меня не было с вами*). Между Субъектом восприятия и Субъектом сознания нет четких границ; так, обнаружиться может и пропавший носок и незаурядная эрудиция Берлиоза.

Итак, семантика генитива субъекта и глаголов позволяют идентифицировать концепт “наблюдаемое отсутствие”: это определенная СЕМА-

ТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ, повторяющаяся в значении как слов, так и грамматических категорий, которую русский язык последовательно кодирует в семантике отрицательного предложения генитивом. Судя по тому, с какой последовательностью русский язык держится за генитив, “наблюдаемое отсутствие” является, видимо, одним из концептов, значимых для русской картины мира.

Концепт “наблюдаемое отсутствие” позволяет выявить инвариантную семантику генитива и связанных с ним глаголов. Есть пространство (это может быть пространство восприятия, сознания и просто личная сфера субъекта или говорящего), соперничающее с миром – в том смысле, что генитив может обозначать как несуществование в мире, так и отсутствие в этом пространстве. Заметим, что родительный падеж наблюдаемого отсутствия следует в таком случае трактовать как действительную грамматическую категорию.

Концепт “наблюдаемое отсутствие” продвинул вперед проблему генитива объекта.

4. Генитив объекта

Первое, что обращает на себя внимание в связи с генитивом объекта, – это широкое распространение генитива объекта в контексте определенных, конкретно-референтных объектных именных групп (все-таки, генитивом субъекта чаще бывают отмечены неопределенные ИГ – *волков не водится, ответа не пришло*, и т.д.):

(4.1) Он не писал *этого письма*; [глагол создания]

(4.2) Майор не слышал *этой фразы*; Я не читал *этих книг*; [глагол восприятия]

(4.3) Я не знаю *этой женщины*; Он не помнил *родной матери*; [глагол знания]

(4.4) Я не получил *этого письма*; Бабушка так и не нашла *своих очков*; [глагол обладания]

(4.5) Он не вернул *нам байдарки*. [глагол перемещения]

Семантика глаголов, допускающих генитив объекта, достаточно разнообразна: это глаголы создания, восприятия, знания, обладания, перемещения. Но в отрицательном контексте у всех этих глаголов возникают одни и те же смысловые компоненты:

‘не существует’; ‘отсутствует в поле зрения’; ‘отсутствует в сознании’; ‘отсутствует в личной сфере субъекта/говорящего’.

Например, *X не нашел Y-а в Z-е* = ‘Y не находится в Z-е, и X это увидел/осознал’.

Как и в случае генитива субъекта, несуществование (нереферентность) и наблюдаемое отсутствие выражаются одинаково. Но глагол с генитивным субъектом непереходный, и субъект, который видит, знает, обладает или получает,

находится за кадром – в позиции Наблюдателя. А в случае генитива объекта глагол переходный, и этот субъект выражается подлежащим. Что же касается семантики, то она у генитива субъекта и объекта общая.

Показателен пример (4.6). В (4.6а), где аккузатив, речь идет, скорее всего, о книгах, которые находятся в пространстве говорящего – в его личной сфере; а в (4.6б) генитив выражает “наблюдаемое отсутствие” объекта в поле зрения/личной сфере:

(4.6) а. *Твои книги* мне не нужны; б. Мне не нужно *твоих книг*.

Правда, есть отличие генитива объекта от субъектного. Глаголы *возникнуть* и *исчезнуть* антонимы, и при всем сходстве их семантики (они различаются на отрицание, которое является строевым компонентом), по отношению к генитиву ведут себя по-разному; *возникнуть* генитивный глагол, а *исчезнуть* – нет (напротив, он несет презумпцию существования субъекта):

(4.7) а. *Сомнений* не возникло; б. *Сомнения* не исчезли.

Между тем в сфере генитива объекта глагол и его антоним регулярно попадают в один и тот же класс; у исходного генитив семантически мотивирован, а у антонима – нет:

(4.8) не построили *мостов* – не разрушили *мостов*;

не назначили *собрания* – не отменили *собрания*; не помню *твоей фразы* – не забыл *твоей фразы*;

не нашел *своих очков* – не потерял *своих очков*;

не взял *байдарки* – не дал *байдарки*.

Так что часто бывает так, что генитив субъекта семантически не мотивирован и невозможен, а генитив объекта допустим:

(4.9) *сомнений не рассеялось – не рассеял *сомнений*;

**собрания не отменено* – не отменили *собрания*;

*договора не нарушено – не нарушили *договора*.

Если в сфере генитивного субъекта имеется последовательная семантическая мотивированность, то в сфере объекта она уступает место аналогическому выравниванию по всему тематическому классу.

Теперь возвращаемся к глаголу *быть*, на котором семантика наблюдаемого отсутствия впервые так открыто заявила о себе.

5. В поисках ненаблюдаемого отсутствия

В каком-то смысле понятие “наблюдаемое отсутствие” является тавтологией. В самом деле, отсутствия нет в природе: в мире (как говорил еще Рассел) нет отрицательных ситуаций; отсут-

ствие кто-то должен засвидетельствовать, ср. давний парадоксальный пример Анны Вежбицкой: *Я вижу, Джона здесь нет.*

Так что вопрос “А бывает ли ненаблюдаемое отсутствие?” более чем уместен. Наличие перцептивного компонента (и соответствующего ему наблюдателя) в семантике отрицаемого локативного *быть* можно считать несомненным фактом. Труднее оказалось найти контекст, где бы наблюдаемое и ненаблюдаемое отсутствие были противопоставлены. В [4] приведен такой пример:

(5.0) <Петя встречает маму своего одноклассника Вани.>

Петя: Почему Вани не было в школе?

Мама: Ваня не был в школе, потому что мы ходили к врачу.

В реплике Пети генитив: Петя был в школе и засвидетельствовал Ванино отсутствие; а Ванина мама, которая не была свидетелем отсутствия, употребляет номинативную конструкцию.

Но тут можно возразить, что в реплике мамы *быть* имеет другое значение – не статическое ‘быть’, а динамическое: ‘побывать’. Подозрительным образом, в предложениях со статическим *быть* субъект обычно генитивный, что заставляет предполагать Наблюдателя в Месте; а номинатив субъекта заставляет понимать *быть* в значении перемещения:

(5.1) а. Коля не был в Лондоне;

б. Коли не было в Лондоне.

В самом деле, *не был* (5.1а) значит ‘не приехал’; а *быть* в (5.1б) статично: услышав (5.1б), мы, скорее, предположим, что это говорящий (наблюдатель) съездил в Лондон, чтобы убедиться, что Коли там нет. При этом значение перемещения не обязательно требует одушевленного субъекта; так, (5.1’) тоже означает перемещение, т.е. ‘не побывал’:

(5.1’) *Костюм* не был в химчистке.

У глагола *быть* можно различить два локативных значения – две лексемы (см. [10]): *быть*₁, со значением наблюдаемого местонахождения, генитивная, и *быть*₂, перемещения, не генитивная и не предполагающая синхронного Наблюдателя:

(5.2) а. Отца *не было* на море;

б. Отец *не был* на море. (пример приводится, с другой интерпретацией, Ю.Д. Апресяном [15])

Лексема *быть*₁ означает, в контексте отрицания, что в состав участников ситуации входит, помимо Вещи и Места, Наблюдатель, который

– либо а) находится в Месте в некоторый момент,

– либо б) мыслит себя находящимся в Месте в некоторый момент (*Жаль, меня не было с вами*),

– либо в) Место – это его нормальное местонахождение (*Меня не было дома*).

Так, предложение (5.2а), с лексемой *быть*₁, означает, что отца не было на море, когда Наблюдатель (говорящий, повествователь) там был (в крайнем случае, они могут пользоваться “свидетельскими показаниями”).

А *быть*₂, как в (5.2б), значит, приблизительно, ‘побывать’, т.е. переместиться в Место, находиться там в течение некоторого времени и вернуться.

Но почему, собственно, не может быть так, что значение *быть* статическое, а наблюдатель НЕ находится в месте отсутствия? Совместимо ли вообще статическое *быть* с субъектом в номинативе? Т.е. возможно ли чистое противопоставление наблюдаемого отсутствия (которое выражается генитивом) и ненаблюдаемого, при котором субъект в номинативе? Примеры из [6] скорее показывают, что статическое *быть* всегда предполагает Наблюдателя, а номинативный субъект возможен только при динамическом *быть*:

(5.3) а. Я не был дома два дня [динамическое *быть*];

б. Тебя не было дома два дня [родные говорят мне, статическое *быть*].

(5.4) а. В два часа я еще не буду в институте [= ‘еще не приду’; динамическое *быть*];

б. В два часа меня уже не будет в институте [статическое *быть*].

Принципиальный характер носит пример (5.5), который предложил (на семинаре, посвященном генитиву отрицания, под руководством Барбары Парти) В.Б.Борщев – в продолжение исследований, отраженных, в частности, в [16]. Этот пример показывает, что у *быть* в однозначно статическом значении все-таки может быть номинативный субъект:

(5.5) Я не был в зале, когда выключили свет.

Предложение (5.5) с номинативом субъекта абсолютно нормально, в том числе и для старшего поколения; более того, генитив звучал бы тут неуместно. В самом деле, говорящему, который и есть главный наблюдатель, в общем, незачем мыслить себя в зале, где его нет. Так что в (5.5) нет того семантического фактора, который отвечает за генитив – нет Наблюдателя “ситуации отсутствия”. Остается только доказать, что *быть* в (5.5) действительно имеет статическое значение.

В самом деле, объемлющее обстоятельство времени совместимо с любой позицией наблюдателя (о синхронных и несинхронных наблюдателях в семантике объемлющих и включенных локализаторов времени см. [17, с. 167–191]):

(а) Я сегодня гулял (ретроспективная позиция Наблюдателя);

(б) *Я сегодня буду гулять* (проспективный Наблюдатель);

(в) *В прошлом месяце я болел* (синхронный Наблюдатель).

А в (5.5) обстоятельство времени (*когда выключили свет*) включенное. Оно

а) однозначно фиксирует синхронного наблюдателя;

б) требует контекста ситуации, которая была бы протяженной и гомогенной, т.е. статической.

Так что у *быть* в примере (5.5) лексическое значение может быть только статическое.

Итак, в (5.5) статическое *быть* имеет номинативный субъект, и номинатив выражает тот факт, что Наблюдатель НЕ находится в Месте. Однако пример хрупкий. Стоит чуть изменить его, и он разрушится. Так, в контексте (5.6) более уместен генитив субъекта. В самом деле, зал, в отличие от дома, не является для говорящего естественным местопребыванием; между тем, в своем доме человек может мыслить себя даже тогда, когда его там нет:

(5.6) *Меня не было дома*, когда выключили свет.

И тот факт, что в (5.5) субъект в 1-м лице, тоже играет принципиальную роль – предложение (5.7а) большинство информантов старшего поколения признает неправильным, поскольку заведомо предпочтительно (5.7б), с генитивным субъектом:

(5.7) а. *Коля не был в зале*, когда выключили свет;

б. *Коли не было в зале*, когда выключили свет.

Так в чем же дело, почему столько условий должно было совместиться, чтобы статическое *быть* употреблялось без генитива, который выражает присутствие Наблюдателя?

Возьмем отрицательное предложение с локативным *быть*:

(5.8) *Коли не было в Москве* <и я томился от скуки>.

В нем две дейктические категории и, соответственно, два наблюдателя: 1) падеж (генитив) требует наблюдателя отсутствия; 2) несовершенный вид глагола *быть* в актуально-длительном (синхронном) значении требует наблюдателя синхронности.

В самом деле, синхронную перспективу (которая является общепризнанной для актуально-длительного значения несов. вида) можно представить как синхронную позицию наблюдателя – синхронная точка зрения предполагает какого-то носителя этой точки зрения [18]. Но тогда получается, что в предложениях с отрицаемым *быть* нужно различать двух наблюдателей. Один Наблюдатель, Субъект восприятия, отвечает за ге-

нитив (в тех локативных отрицательных предложениях, которые подобны перцептивным, как (5.1б)); это полноценный Наблюдатель, занимающий определенное место в пространстве ситуации. Но есть еще другой Наблюдатель, который отвечает за синхронное значение вида. Очевидно, пример (5.5) такой редкий именно потому, что в нем есть Наблюдатель, требуемый семантикой вида, но он не является, однако, Наблюдателем ситуации отсутствия: в противном случае субъект был бы в генитиве. Иными словами, Наблюдатель, который требуется семантикой вида, НЕ должен находиться в ситуации отсутствия (иначе был бы генитив). А тогда где же ему быть?

Остается заключить следующее. Примеры типа (5.5) столь редки потому, что предпочтительны такие концептуализации, при которых одно и то же лицо отвечает одновременно за все дейктические параметры предложения.

Можно сформулировать принцип единства дейктического центра – как критерий при выборе концепта ситуации: **Нормально, чтобы субъектом временного и пространственного дейксиса было одно и то же лицо.**

Пример (5.5) замечателен тем, что он дает лингвистическое свидетельство различия двух наблюдателей: один – полноценный, занимающий место – вытекает из семантики генитивной конструкции (пространственный дейксис); другой – который реализует метафору “момент наблюдения” – порождается семантикой синхронного (актуального) значения несов. вида (временной дейксис).

В принципе, вместо фразы (5.5) я могу сказать: (5.5') *Меня не было в зале*, когда выключили свет.

Я выражу при этом не в точности то значение, которое хотел, но близкое к нему и, во всяком случае не вступающее с ним в противоречие. (В самом деле, откуда-то я же узнал, что в зале выключили свет; следовательно, я могу, в принципе, мыслить себя присутствовавшим в зале.) Такое часто бывает с грамматическими значениями, а также со значениями, которые принадлежат к доминантам модели мира данного языка; см. аналогичные соображения по поводу русской неопределенности в [19].

Разумеется, бывают случаи, когда семантическая конфигурация “наблюдаемое отсутствие” говорящему отчетливо не нужна; в этом случае он может и отступить от принципа единства дейктического центра, – ценой того, что он лишит Наблюдателя временного дейксиса пространственной локализации. Ср. пример, предложенный И.Б. Левонтиной: человек, заботящийся о своем здоровье, может сказать, что *он не был* в доме таких-то, когда там начался повальный грипп; ему

незачем выражать наблюдаемое отсутствие в том месте, отсутствием в котором он так доволен.

Итак, если предложение требует дейктической пространственной локализации для каких-то упоминаемых в нем сущностей, то синхронный Наблюдатель, который входит в семантику вида, в силу принципа единства дейктического центра, должен находиться там же.

6. Время и место

Приведу еще один пример, подтверждающий положение о единстве дейктического центра как критерии нормальной концептуализации. В (6.1) обстоятельство времени *когда-то* является благоприятным контекстом для ретроспективного (общефактического) понимания несов. вида; наблюдатель в настоящем. А в примере (6.2) (по мотивам [20]) есть обстоятельство места в тематической позиции; это локализует Наблюдателя в том месте, где происходило действие. Но это значит, **и в том же времени**; поэтому ретроспекция исключена. Наблюдатель в (6.2) синхронный, и значение несов. вида актуально-длительное – дальше может идти перечисление присутствовавших и прочие подробности события (что было бы неестественно для (6.1)):

(6.1) Я *когда-то* читал \ “Бориса Годунова” [Наблюдатель в настоящем].

(6.2) В этом доме Пушкин *когда-то* читал “Бориса Годунова” \ [Наблюдатель в прошлом];

Ретроспективный потенциал наречия *когда-то*² подавляется – в угоду принципу единства дейктического центра. Пример (6.2), тем самым, подтверждает важность принципа единства дейктического центра с новой стороны: интерпретируя предложение, мы выбираем как наиболее естественную ту интерпретацию, которая дает единый дейктический центр.

Тезису о единстве дейктического центра не противоречит пример (6.3) (на базе [21, с. 246]), где прош. время отсчитывается от момента речи, а референциальный момент для *накануне* – уже не от момента речи, а от времени события *улетела*:

(6.3) Зина *улетела* в Лондон, хотя еще *накануне* врачи настаивали на операции.

Тут речевой режим, наблюдателем является говорящий; прош. время отсчитывается от наст. момента говорящего; а кроме того, событие в прошлом (*улетела*) фиксирует некую дополнительную точку отсчета; от нее затем отсчитывается *накануне*. Это не значит, что Говорящий должен находиться одновременно в двух временных точках или перемещаться из одной в другую.

² Такой же ретроспективный потенциал у слова *раньше* (см. [18]).

В заключение приведу еще один пример на тему о том, как связаны между собой время и место. В книге М.Я. Дымарского [22, с. 258] идет речь о том, что предметом специальной заботы Набокова в “Машеньке” является неопределенность временной локализации. Приводится следующий отрывок (курсива в набоковском тексте, конечно, нет):

“В этой комнате, где в шестнадцать лет выздоравливал Ганин, и зародилось то счастье, тот женский образ, который, спустя месяц, он встретил наяву. В этом сотворении участвовало все, – и мягкие литографии на стенах, и щебет за окном, и коричневый лик Христа в киоте, и даже фонтанчик умывальника. Зарождавшийся образ стягивал, вбирал всю солнечную прелесть этой комнаты и, конечно, без нее он никогда бы не вырос. В конце концов это было просто юношеское предчувствие, сладкие туманы, но Ганину *теперь* казалось, что никогда такого рода предчувствие не оправдывалось так совершенно. И целый день он переходил из садика в садик, из кафе в кафе, и его воспоминание непрерывно летело вперед, как апрельские облака по нежному *берлинскому* небу”.

Именно указание на место позволяет читателю уловить сдвиг во времени: то, что *теперь* обозначает текущий момент вспоминающего, а не вспоминаемого, понимается из того, что небо над головой Ганина берлинское.

Этот пример подтверждает принцип единства дейктического центра: при интерпретации мы исходим из того, что все эгоцентрические элементы предложения ориентированы на один и тот же субъект: этот субъект должен находиться в определенное время в определенном месте – в примере из Набокова изменение места указывает на изменение времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974.
2. Mustajoki, Heino. Case selection for the direct object in Russian negative clauses // Slavica Helsingiensia 9. Helsinki 1991.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
4. Падучева Е.В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // ВЯ. 2005. № 5.
5. Borschev V.B., Paducheva E.V., Partee B., Testellets Y.G., Yanovich I. Sentential and Constituent Negation in Russian BE-sentences Revisited (in print).
6. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics. V. 9. № 2–3. 1985.

7. *Апресян Ю.Д.* О московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
8. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
9. *Babby L.H.* Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers, 1980.
10. *Падучева Е.В.* О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // Russian linguistics. V. 16.
11. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. *Падучева Е.В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
13. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: ЯРК, 2004.
14. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
15. *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ↔ Текст". Wien. 1980. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd 1).
16. *Борщев В.Б., Парти Б.Х.* О семантике бытийных предложений // Семантика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002.
17. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.
18. *Падучева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. РАН, СЛЯ. 1986. № 5.
19. *Падучева Е.В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // Problemi di morphosintassi delle lingue slave. V. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Padova: Unipress, 1996.
20. *Groenn A.* The semantics and pragmatics of the Russian factual Imperfective. University of Oslo, 2004.
21. *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Языки рус. культуры, 1996.
22. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв. М.: УРСС, 2001.